

Искусство и духовная жизнь въ насъ.

Въ предыдущемъ Бюллетенѣ было помѣщено двѣ статьи, посвященныхъ вопросу объ искусствѣ, какъ факторѣ религіозно-педагогическаго воздѣйствія на дѣтей. Въ виду огромной принципиальной и практической важности этого труднаго, но крайне жизненнаго вопроса, мнѣ хочется коснуться въ настоящей статьѣ болѣе общей темы, связанной съ нимъ. Каково отношеніе искусства къ духовной жизни въ насъ? Я говорю о взрослыхъ, о тѣхъ, кто сросся съ культурой нашихъ дней, но въ то же время живетъ духовной жизнью и ищетъ правды и праведности. Можетъ ли человекъ, живущій духовной жизнью, обращаться къ искусству, можетъ ли онъ найти въ немъ что-либо для своего духовнаго возрастанія? Не несетъ ли искусство тончайшій и потому опаснѣйшій соблазнъ, подмѣняя суровый реализмъ духовнаго дѣланія обманчивыми и призрачными услажденіями, въ которыхъ душа тонетъ, воображая, что пребываетъ въ подлинномъ духовномъ подъемѣ? У «эстетовъ» мы часто встречаемъ дурную установку души не на предметъ эстетическаго созерцанія, а на самомъ себѣ: мы любимъ уже не красоту, а любимъ свою любовь къ красотѣ. Такой «эстетизмъ» опасенъ какъ разъ своей чрезвычайной близостью къ самымъ чистымъ и цѣннымъ движеніямъ духовной жизни въ насъ. Именно, благодаря этой близости, создается возможность дурнаго ухода въ свои переживанія, исканія услады, а не предмета. Эстетизмъ, какъ плѣсень, портитъ все — и моральную и интеллектуальную и религіозную жизнь, онъ всюду пробирается и незаметно подмѣняетъ честный и трезвый реализмъ, цѣлостное погруженіе души въ добро, въ истину, въ святую — самоублаженіемъ, сладостнымъ погруженіемъ не въ объективный міръ, а въ самого себя. Такой эстетизмъ, какъ тонкій ядъ, отравляетъ самую сердцевину души, разрушаетъ ея изначальную свѣжесть и цѣлостность и ведетъ къ очень глубокому и опасному духовному заболѣванію.

Хомяковъ гдѣ-то говоритъ о «ересяхъ чувства» — въ параллель къ «ересямъ разума». Но ереси разума легко распознаваемы, они прозрачны и открыты, а ереси чувствъ трудно распознаваемы, закрыты и незаметны. Эстетизмъ есть именно такая «ересь чувствъ» — и хотя эстетизмъ возможенъ лишь при наличности эстетической жизни въ насъ, но онъ такъ естественно, такъ легко въ ней возникаетъ, какъ ея вырожденіе, но и какъ ея порожденіе, что вопросъ объ отношеніи эстетической жизни къ духовному дѣланію въ насъ имѣетъ самый жизненный и реальный смыслъ. Розановъ когда-то писалъ, что самой страшной духовной язвой XIX вѣка было то, что христіанство стало риторичнымъ. Именно искусство хотеть все оторвать отъ его реальной полноты, отъ его объективности и превратить все въ свою «тему». Все становится «темой», ко всему душа подходитъ съ этой искусственной установкой — и въ ней вянетъ драгоценнѣйшая связь ея съ реальностью, какъ таковой. Создается погруженіе въ самоусладу, дурная субъективность, — и живыя движенія религіозной сферы души какъ-то вянутъ, лишеныя живительнаго дыханія реальности. Происходитъ таинственное оскотленіе души, незамѣтное убіеніе ея жизненныхъ силъ... Отрицать это возмется ли кто-нибудь? И какъ не задуматься надъ всѣмъ этимъ, когда переходишь къ вопросамъ воспитанія? Если для насъ взрослыхъ искусство таитъ въ себѣ огромную опасность, то какъ можемъ мы вводить искусство въ систему воспитанія? Изъ-за маленькой его пользы, его нѣкоторыхъ цѣнныхъ вліяній какъ можемъ забыть о его двусмысленности? И не видимъ ли мы часто примѣры того, что люди, глубоко и искренно живущіе религіозной жизнью, перестаютъ нуждаться въ искусствѣ, избѣгаютъ его и даже борются съ нимъ?

Всѣ эти вопросы имѣютъ первостепенное значеніе для религіозной педагогики, ищущей здоровыхъ и творческихъ путей къ про-

бужденію и укрѣпленію въ дѣтяхъ духовной жизни. Но эти вопросы принадлежать не одной педагогикѣ. Они не менѣ остры и значительны для всей нашей культуры: съ ними связаны основные вопросы того, на что устремлены всѣ наши упованія — вопросы будущей православной культуры. Если придетъ эпоха православной культуры, будетъ ли въ ней мѣсто искусству и какому искусству?

Не означаетъ ли идеаль церковной культуры, что въ немъ будетъ умѣстно искусство лишь на службѣ Церкви, что такъ наз. свѣтское искусство будетъ уже отпаденіемъ отъ церковной культуры? Въ годы мечтаній о православной культурѣ — а мы проходимъ сейчасъ именно эти годы мечтаній — приходится слышать и такія рѣчи. Совершенно не раздѣляя этихъ взглядовъ, я чувствую ихъ неустрашимость и даже законность, но какъ разъ въ связи съ путями духовной жизни въ насъ. Нельзя отрицать или преуменьшать значеніе того направленія духовной жизни, которое признаетъ искусство лишь въ рамкахъ Церкви, а внѣцерковное искусство считаетъ по существу сомнительнымъ и двусмысленнымъ. Такое направленіе духовной жизни есть, оно законно и естественно — оно оправдано тѣмъ простымъ фактомъ, что оно связалось съ опредѣленнымъ типомъ духовной жизни. Но рядомъ съ такимъ типомъ такъ же законенъ и такъ же оправданъ и другой типъ — въ которомъ духовная жизнь не уводитъ отъ міра, отъ его задачъ и заботъ, отъ его красоты — но, наоборотъ, устремляетъ къ міру. Не одно искусство, но вся культура **можетъ** быть ненужной, даже опасной и вредной для перваго типа духовной жизни, — но кто посмѣетъ отрицать христіанскій смыслъ науки, общественнаго и историческаго творчества? Искусство неизбежно въ системѣ культуры, оно есть самое глубокое и творческое начало въ культурѣ, и кто сомнѣвается въ возможности внѣцерковнаго (свѣтскаго) искусства, тотъ сомнѣвается въ возможности свѣтской культуры вообще. Если мы говоримъ о церковной культурѣ, то не только въ смыслѣ культуры, отдающей себя на службу Церкви, но въ смыслѣ «мірской» культуры, отдающей себя на службу міру. Такая культура, отдающая себя на служеніе міру, какъ разъ и подлежитъ «оцерквленію», т. е. проникновению въ нее духа Церкви и принциповъ ея. Поэтому понятіе церковной культуры обнимаетъ и культуру, отдающую себя на служеніе Церкви, и культуру, отдающую себя на служеніе міру —

при условіи, что эта послѣдняя ищетъ въ Церкви своего освященія и преображенія. Искусство не есть дурная выдумка праздныхъ людей, а есть выраженіе творческихъ даровъ, данныхъ намъ Богомъ: это есть достаточное его правданіе. Если есть дурное и опасное искусство, то существуетъ и дурная социальность и неосторожная и торопливая въ своихъ обобщеніяхъ наука, — но судить по дурнымъ образцамъ о наукѣ или социальной жизни или искусствѣ совершенно недопустимо. Въ церковной культурѣ искусство не просто возможно и допустимо, но оно именно въ ней должно получить расцвѣтъ въ своихъ самыхъ глубокихъ устремленіяхъ и исканіяхъ. Въ вѣкъ чувственной и матеріалистической культуры искусство (не по своей винѣ, а по общей включительности въ систему культуры) невольно становится проводникомъ чувственности и матеріализма, хотя и смягчаетъ ихъ тѣмъ, что дано вмѣстѣ въ настоящей силѣ только искусству, — а именно таинственнымъ устремленіемъ своимъ къ преображенію жизни. Искусству всегда присуще это исканіе преображеннаго бытія, оно живетъ и движется этимъ исканіемъ и оттого оно менѣ другихъ сферъ культуры ядовито. Но совершенно невѣрно и прямо недопустимо отвергать искусство за то, что оно даетъ «усладу», погружаетъ въ міръ вымысла и тѣмъ уводитъ отъ реальности и трезвой правды, что оно развиваетъ дурной эстетизмъ и дразнитъ въ насъ чувственность. Да, все это есть — такъ же, какъ существуетъ въ наукѣ упрощенный техницизмъ, существуетъ въ социальной жизни близорукій утилитаризмъ. Говорить объ искусствѣ только то, что оно «услаждаетъ» или находитъ въ искусствѣ «пріятную» и «радостную» игру — это значитъ просто не понимать искусства, не знать его подлиннаго и глубокаго дѣйствія на душу. Искусство **питаетъ** душу — вотъ что нужно прежде всего имѣть въ виду: оно нужно душѣ такъ же, какъ ей нужна умственная жизнь, социальная активность. Въ искусствѣ для насъ открывается новая сторона насъ самихъ, которая впервые въ эстетической жизни пробуждается къ бытію и открываетъ родники такой глубокой и плодотворной творческой силы, которые несравнимы со всѣмъ тѣмъ, что пробуждаютъ въ душѣ другія формы культуры. Въ эстетической жизни мы впервые даемъ просторъ такимъ движеніямъ, которыхъ не вмѣщаетъ жизнь, а слѣдовательно здѣсь раскрываются нѣдра нашего бытія. Искусство не создаетъ

ихъ, а открываетъ — и этимъ оно совершаетъ огромную, неоцѣнимую работу именно на путяхъ духовной жизни. Эти пути, какъ ихъ формулировалъ еще св. Аѳанасій Великій, ведутъ къ обоженію (теозису) твари, и это значитъ, что одухотворенію и преображенію надлежитъ не только поверхность души, не только ея свѣтлые и прозрачные слои, но и ея нѣдры. То, что раньше знали лишь аскеты, достигавшіе большихъ высотъ духовной жизни, черезъ искусство, черезъ его удивительную способность проникать въ тайники души, становится открытымъ и доступнымъ и тѣмъ, кто по своему уровню духовной жизни, иначе никогда не дошелъ бы до познанія въ себѣ этихъ внутреннихъ движений. Черезъ искусство совершается завоеваніе новыхъ территорій духовной жизни, т. е. входитъ въ сферу преображенія то, что раньше таилось въ «подпольѣ» и темныхъ глубинахъ души. Музыка, живопись, литература соперничаютъ другъ съ другомъ въ этомъ закрѣпленіи и уясненіи закрытой стороны души, ея природнаго хаоса, ея натуральной неустроенности. Это жутко и страшно, иногда подлинно опасно для отдѣльныхъ людей, которые становятся одержимы тѣмъ, чего не понимаютъ и чѣмъ не могутъ овладѣть. Искусство нерѣдко выращиваетъ «цвѣты зла» — но за всѣмъ этимъ стоитъ огромный, безцѣнный вкладъ, который вноситъ искусство въ систему духовной жизни, въ процессъ одухотворенія культуры.

Итакъ, признавая совершенную законность того типа духовной жизни, который не только не нуждается въ искусствѣ, но и чувствуетъ въ немъ опасность и зло, сближая этотъ духовный типъ съ тѣмъ, ему близкимъ, кто не знаетъ и не хочетъ знать и науку и социальную культуру и хочетъ остаться въ предѣлахъ примитива или традиціи, — мы должны признать совершенную законность и оправданность иного типа, который идетъ съ своими духовными исканіями къ міру, стремится освятить и одухотворить натуральные процессы въ немъ. Можно и даже должно говорить о «христианизаціи» искусства (хотя это словно и неудачно), но надо рѣшительно отвергнуть общее положеніе о несоединимости духовной жизни съ погруженіемъ въ міръ эстетической жизни. Какъ возможенъ типъ христианина ученаго, который занятъ изученіемъ природы или исторіи, такъ возможенъ типъ христианина-художника, который передаетъ въ искусствѣ ту тайну міра, которая открывается его творчеству.

Таковы простые и даже элементарныя соображенія, говорящія о принципиальной сторонѣ дѣла. Наличие разныхъ типовъ духовной жизни, подлинная близость, хотя бы одного типа христианской души къ міру искусства говорятъ о принципиальной допустимости искусства въ путяхъ духовнаго воспитанія. Кому не нужно искусство, въ комъ оно не пробуждаетъ къ жизни скрытыя его духовныя силы, пусть остается чуждъ искусству, — и было бы насиліемъ и грѣхомъ заставлять того жить искусствомъ, но должна быть дана свобода и для тѣхъ, въ комъ искусство пробуждаетъ скрытыя силы души. Искусство и здѣсь становится «опаснымъ» и даже «двусмысленнымъ», но это есть общая участь всей системы культуры, самого міра нашего, пока не настала часъ его просвѣтленія и преображенія. Я готовъ сказать даже больше: въ «невидимой брани», въ которой состоитъ духовная жизнь наша, идетъ дѣло именно о томъ, чѣмъ насыщено искусство, чѣмъ оно большей частью занято. Оно неповинно въ тѣхъ ядахъ, которыми отравляется отъ него душа — оно лишь проявляетъ и обнаруживаетъ скрытую отравленность души. Но оно въ то же время могучимъ порывомъ поднимаетъ душу къ созерцанію того, что безъ него закрыто отъ насъ. Искусство хранитъ въ себѣ тайну преображенія жизни, но не порчи ея, не разрушенія ея: искусство есть проводникъ животворящихъ силъ, струящихся въ міръ, оно живо тѣми излученіями, которыя сходятъ къ намъ свыше. Именно въ православіи шире всего и полнѣе всего открыта передъ нами таинственная и провиденціальная функція искусства, какъ являющаго намъ тайну преображенія жизни. Искусство съ трудомъ вмѣщается въ нашу жизнь — и отъ этого идутъ его ядовитыя вліянія; по дурному или доброму вліянію искусства можно судить о чистотѣ духовной жизни.

Искусство есть замѣчательный продуктъ именно духовной жизни, и кто этого не понимаетъ, тому останется не понятно и то, почему Гоголь, столь глубокій и искренно искавшій путей правды, говорилъ объ искусствѣ, что оно есть «незримыя ступени къ христианству». Онъ же хорошо писалъ въ одномъ изъ раннихъ своихъ этюдовъ объ удивительной силѣ музыки, о ея несравнимой способности пробуждать душу отъ обыденной жизни — пробуждать въ ней священное томленіе о лучшемъ и высшемъ. Если бы не было искусства въ наше время, сколько душъ

оледенѣло бы совсѣмъ, духовно земрло... А между тѣмъ въ повторныхъ волненіяхъ, которыми отвѣчаетъ, противъ своей воли, душа на призывныя обращенія искусства смягчаются души самыя ожесточенныя и опустѣвшія, самыя холодныя и жесткія. Орфею приходилось укрощать звѣрей, но и нынѣ искусство все такъ же таинственно сбрасываетъ власть того маленькаго, мелкаго, ничтожнаго, что завладѣваетъ людьми. Страшно оставить нашъ міръ, съ его чудовищной механизацией, съ его огромными и жуткими скоплениями людей въ большихъ городахъ — безъ искусства. Оно услаждаетъ? Да, но эта услада безкорыстна, она возвращаетъ душу къ чистой, безкорыстной радости, и именно этимъ даетъ душѣ, хотя бы на мгновение, пе-

режить чистыя и свѣтлыя мечты. Какъ жутко было бы жить въ наше время безъ искусства.

Всѣми этими размышленіями, бѣглыми и предварительными, я совсѣмъ не хочу снять вопроса объ **опасностяхъ** искусства для духовной жизни и въ частности для воспитанія въ религіозномъ духѣ. Но не одно искусство таитъ въ себѣ эти опасности — оно раздѣляетъ ихъ съ другими сферами культуры. Но, помня объ опасностяхъ, нужно беречься «тнушенія» искусствомъ, которое было бы неправдой и хулой на святыню красоты, сіяющей въ міръ и людяхъ лучами, исходящими отъ Господа.

В. В. Зѣньковскій.

Искусство и воспитаніе.

Искусство нашего времени производитъ большое впечатлѣніе на человѣка, задумывающагося о тайнѣ нашего времени. Мысль поражается безусловной таинственностью свойственной этому искусству.

О мистикѣ современнаго эстета, художника, творца, воплощающаго то, что другіе чуютъ инстинктомъ своего вкуса, не приходится и говорить. Мы всѣ знаемъ современную музыку, поэзію, живопись. Съ точки зрѣнія опредѣленія нереальности этого искусства очень интересно современное декоративное искусство. Кто повѣшалъ декоративныя выставки въ Парижѣ, тотъ знаетъ, что тамъ не встрѣтить ни вазы, ни цвѣтовъ въ какой либо простой, понятной формѣ. На этихъ выставкахъ поражаетъ эта «таинственность» и фантастичность формы. Точно это какое то «кажущееся», призрачное, зачарованное царство. Можно поражаться этой таинственной зачарованностью современнаго художника. Точно ему грезится что то тонкое, скользящее мимо него, «астральное», воплощеніемъ чего онъ томится. Правдоподобнаго въ современномъ искусствѣ нѣтъ ничего. Да правдоподобное и не нравится, не слышится теперь. Въ этой погруженности, хотя и въ нереальный, но по своему таинственный міръ, можетъ быть лежитъ большая цѣнность современнаго искусства. Но надо отмѣтить, что изошренное искусство современности есть удѣлъ почти только самихъ его творцовъ — и ихъ ближайшей среды.

Широкія массы питаются сейчасъ нѣкоторыми, болѣе грубыми видами искусства. Называю изъ нихъ три: кинематографъ, спортъ и танцы. При всѣй внѣшней грубости и современныхъ танцевъ и спорта, не смотря на ихъ видимую занятость однимъ тѣломъ ихъ внутренній смыслъ настолько же мистиченъ (если даже не болѣе), какъ въ другихъ видовъ искусства. Въ чемъ лежитъ ихъ мистика? Она лежитъ въ этомъ касаніи черезъ внѣшнее (черезъ движеніе въ данномъ случаѣ) внутренняго хаоса, въ регулированіи и сознательнаго и подсознательнаго и даже болѣе глубокаго центра человѣческой личности.

Расцвѣтъ этихъ трехъ видовъ искусства чрезвычайно характеренъ для нашего времени. И это понятно. Нашу жизнь ярче всего характеризуетъ присущая ей черта гнета. Никогда раньше не бывало такъ мало внутренней и внѣшней свободы, какъ теперь. Гнетъ этотъ сказывается въ общемъ ритмѣ современной жизни, въ количествѣ обязанностей, которые лежатъ на отдѣльныхъ лицахъ, въ отсутствіи свободнаго времени, въ отсутствіи одиночества. При этомъ гнетѣ жизни не возможно принадлежать чему то, свободно избранному сердцемъ (въ лучшемъ случаѣ мы имѣемъ двойственность жизни).

Вся наша молодежь несетъ на себѣ бремя этого гнета и нѣтъ ничего противорѣчивѣе, чѣмъ жизнь искусства и творчества и этого гнета. Вотъ отчасти почему современная ма-